

АСЯ АЗАРОВА

БЕЛАЯ ВЕДЬМА

для ЯСТРЕБА СЕВЕРА

Ася Азарова

Белая ведьма для Ястреба Севера

«Литнет»

2025

Азарова А.

Белая ведьма для Ястреба Севера / А. Азарова — «Литнет», 2025

Ария спасла викинга. Он - убийца. На его шее таинственный знак. Теперь она в западне: выдать его - значит обречь себя, убить - не может, а оставить в живых - значит согреть в своих объятиях врага, чье прикосновение пробуждает не только страх, но и запретное влечение. А над её миром сгущаются тучи: деревня ищет виноватого в страшной болезни, и первая под подозрением — белая ведьма. Враг, единственный, кто встанет на защиту девушки. Книга 1. Уважаемые читатели! Вторая книга **ЗДЕСЬ(!!!)**

© Азарова А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6.	24
глава 7	26
Глава 8.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1.

Свинцовые волны моря бились о черные скалы Шотландского побережья, выплевывая пену, холодную как смерть, и обломки чужой беды.

Ветер, пропитанный солью, выл в расщелинах, срывая плащ с плеч Арии, словно пытаясь отогнать ее от этого проклятого места.

Она шла по мокрому песку, цепляясь за выступы камней, ее глаза, привыкшие различать малейший оттенок целебной травы в густом вереске, теперь беспокойно скользили по линии прибоя.

Не рыбацкая лодка разбилась сегодня ночью.

Чутье, то самое, за которое деревенские шептались за ее спиной "ведьмин дар", подсказывало – море принесло нечто иное. Нечто опасное.

И тут, она его увидела.

Не мертвое тело. Еще пока нет. Человека. Гиганта, выброшенного словно щепка, в крошечной бухточке, скрытой от глаз деревни. Он лежал лицом вниз в ледяной луже, могучие плечи обтянуты рубахой: мокрой, грубой тканью, похожей на парус. Кровь – темная, почти черная на промокнувшем песке – растекалась из-под его бока, смешиваясь с соленой водой. Светлые волосы, спутанные водорослями, казались ореолом вокруг головы.

Морской волк.

Викинг.

Враг.

Ария замерла, сердце колотилось как пойманная в силки птица.

Смерть!

Смерть лежала у ее ног, и эта смерть несла с собой другую смерть – ее собственную. Она знала, что скоро здесь окажутся черные, зловещие тени, кружащие над падалью. Вороны. Они уже должны были слететься на этот пир. Их карканье было бы похлеще колокола на церковной колокольне. Оно привело бы сюда мужчин из деревни – озлобленных, напуганных, вечно подозревающих худшее. Они нашли бы труп викинга. А потом нашли бы тропинку, ведущую вглубь прибрежного леса. К ее тайному убежищу. К ее хижине, спрятанной среди древних дубов, где сушились пучки тысячелистника и зверобоя, где в глиняных горшках бродили снадобья от лихорадки и мази для больных суставов. К ее единственному месту силы, ее крепости.

Ее терпели. Скрипя зубами. Старуха Моргван называла ее "дитя фейри", а молодые парни крестились, когда она проходила мимо. Но к ней приходили. Приходили, когда ребенка лихорадка скручивала, когда у кормилицы пропадало молоко, когда рана гноилась. Она была нужна. Но это до тех пор, пока не станет помехой. Труп врага у ее порога – нет, не у порога, у самого входа в ее потайной мир! – это была бы не помеха. Это был бы приговор. "Ведьма укрывала дьявола!" – завопили бы они. И тут же полетели в нее камни, и факелы бы осветили путь на эшафот.

Подлая, ужасная мысль пришла ей в голову. Оставить. Оставить его умирать. Пусть море завершит начатое. Пусть вороны укажут на него потом, когда он будет уже далеко от ее тропы. Это было разумно. Единственно разумно. Она сделала шаг назад, песок хрустнул под ее крепкими сапожками из тюленьей кожи. Глаза ее, цвета штормового моря, метнулись к небу. Пока чисто. Но тени не заставят себя ждать.

Она стояла, разрываясь между страхом и странным, необъяснимым чувством. Жалостью? Нет, не жалостью к врагу. Страхом за себя, за свой хрупкий мир.

Ее пальцы сжали корзину с собранным мхом и кореньями – сегодняшняя добыча казалась теперь ничтожной. Она смотрела на его спину, на глубокую, зияющую рану на боку, из

которой сочилась кровь. Он дышал. Слабый, прерывистый хрип. Он еще не мертвец. Но он умирал. Медленно. Мучительно.

И в этот миг, когда ее разум кричал "Беги!", а ноги словно вросли в песок, он пошевелился.

Светловолосый гигант вздрогнул всем телом, как от удара плетью. Словно почувствовал ее взгляд – взгляд добычи, застигнувшей хищника врасплох, но хищник был повержен. Он резко, с нечеловеческим усилием, перевернулся на спину. Грудь вздымалась, из горла вырвался хриплый, звериный стон. И его рука – широкая, сильная, с пальцами, похожими на дубовые сучья, с окровавленными костяшками – молнией метнулась вперед.

Ария вскрикнула от ужаса. Его ладонь мертвой хваткой сомкнулась на ее тонкой лодыжке, поверх мягкой кожи сапога. Боль пронзила ее, как раскаленный гвоздь. Она попыталась дернуться, но его хватка была стальной. Он притягивал ее к себе! В глазах помутнело от страха. Она увидела его лицо.

Грязь, соль, запекшаяся кровь на скуле и виске. Но под этим... Под этим было лицо, высеченное из гранита бурями и битвами. Сильный подбородок с ямочкой, резко очерченные скулы, густые брови, слипшиеся от морской воды. И глаза. Боги Одина! Его глаза!

Они были открыты. Не тусклые, не умирающие. Они горели. Горели яростным, диким, испепеляющим синим пламенем, как самые глубины ледника под полярным солнцем. В них не было страха, только чистая, необузданная воля к жизни, звериная решимость и... боль. Невероятная боль, сквозь которую пробивалась эта нечеловеческая сила. Он смотрел на нее, этот поверженный морской демон, и в его взгляде читался немой вопрос, приказ, угроза – все сразу.

Дыхание Арии перехватило. Она застыла как очарованная. Красота? Нет, это была не красота в привычном смысле. Это была первозданная, дикая мощь, закованная в измученную плоть, сила самой природы, глядящая на нее глазами, в которых отражалось штормовое небо.

Именно в этот миг, когда ее сознание вихрилось между ужасом и странным притяжением, ее взгляд скользнул ниже. На его мощную шею, у самого ключицы, там, где пульс бился дикой дробью под кожей. Что-то там было. Темное. Виднеющееся на обветренной коже.

Метка!

Не шрам от меча, не царапина. Знак. Четкий, темный, словно выжженный или наколотый. Знакомый... до мурашек. Знакомый до боли в сердце.

Ария взглядела, забыв на мгновение о страхе, о его хватке, о воронах. Ее собственные глаза расширились. Нет. Не может быть. Это... эта форма... острые углы, переплетение линий... Она видела это тысячу раз...

В маленьком осколке зеркала...

Отец Арии когда увидел эту метку, появившуюся под левой ключицей маленькой Арии, принялся отмывать дочь. Но не вышло. Метка осталась с девочкой. И лишила ее многих детских радостей. Отец боялся, как бы в деревне не прознали про меченую дочь. Их и так недолюбливали.

Ария не винила в строгости умершего много лет назад отца. Пал в стычке с такими же, как этот... с норманнами.

Ее тайная метка, о которой он никогда не говорил. Знак, который она, маленькая, иногда с любопытством трогала пальцем. Знак, который после его смерти стал для нее символом запрета. Теперь тайну придется хранить ей одной.

Сердце Арии замерло, и снова забилося с бешеной силой, гоняя по жилам ледяную, а потом обжигающую кровь.

Та же метка!

Тот же загадочный символ, связывавший ее с этим миром насилия и моря. Что это значило? Проклятие? Ее мысли смешались.

Его пальцы все еще сжимали ее лодыжку, но сила, казалось, покидала его. Пламя в глазах меркло, замещаясь мутной пеленой боли и надвигающейся тьмы. Он боролся, но проигрывал. Если она оставит его сейчас, он умрет. И умрет человек, носящий знак, как и у нее. Знак, который был последней нитью к ее тайне, к ее прошлому, к части ее самой.

"Нет!" – мысль прозвучала в ее голове с неожиданной резкостью. Не этот. Не так. Не здесь, под крики воронов. Страх за себя отступил перед нахлынувшей волной чего-то иного – долга? Любопытства? Или того самого "ведьминого дара", который заставлял ее видеть жизнь там, где другие видели лишь конец?

"Живи," – прошептала она, не зная, слышит ли он. – "Ради знака. Ради..."

Она резко наклонилась, ее тонкие, но сильные от постоянной работы с травмами и корнями руки схватили его под мышки. Он был невероятно тяжел. Каменная глыба, пропитанная морем и кровью. Она уперлась ногами в песок, напряглась всем телом.

— Помоги себе! – прошипела она ему в ухо, не зная, понимает ли он. – Двигай ногами!

Он застонал, но его ноги дернулись, попытались оттолкнуться от земли. Малейшая помощь, но это было хоть что-то. Ария застонала сама, чувствуя, как мышцы спины и плеч горят огнем. Дюйм за дюймом. Она потащила его. От холодной воды, от открытого взгляда неба. К скале, к узкой, почти незаметной тропе, ведущей вверх, в спасительную чашу леса. Песок предательски осыпался под ногами. Каждый его вдох был хрипом, каждый ее шаг – подвигом. Она спотыкалась, падала на колени, сбивая их в кровь о камни, но снова поднималась, снова тянула. Запах крови, пота, моря и страха смешивался в ее ноздрях. Она молилась тихим богам леса и холмов, которых знала с детства, чтобы вороны задержались. Хоть на немного.

Дорога к убежищу, обычно занимавшая с менее получаса, превратилась в бесконечный ад. Она тащила его по тропе, чувствуя, как ветви хлещут ее по лицу, как корни норовят схватить за сапог. Его тело было мертвым грузом, лишь изредка судорожно вздрагивающим от боли, но он старался. Из последних сил. Упирался ногами, подтягивался вверх. Его синие глаза были закрыты. Ария чувствовала его жар даже сквозь одежду – рана уже горела огнем заражения. Ее руки дрожали от напряжения, спина горела, а в голове стучал один вопрос: "Что я наделала? Кого принесла в свой дом? Зверя? Убийцу? Или... ответ?"

Наконец, сквозь завесу деревьев и свисающих мхов, показался знакомый силуэт. Небольшая, крепко сложенная из темных бревен и камня хижина, почти сливающаяся со стволами вековых дубов.

Ее крепость. Ее святилище. Теперь – и его тюрьма. Или его спасение.

С последним нечеловеческим усилием Ария втащила тело викинга через низкий дверной проем на земляной пол хижины. Запах сушеных трав, дыма и целебных мазей обволакивающе ударил в нос. Она рухнула рядом с ним, задыхаясь, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Он лежал без движения, лишь слабый стон вырывался из его пересохших губ. Вокруг царила тишина, нарушаемая только треском тлеющих углей в очаге и ее собственным прерывистым дыханием.

Она подняла голову, оглядывая свое царство – пучки трав, глиняную посуду, грубый стол, заваленный ступками и сушеными ягодами. И этого чужака, этого дикого зверя с глазами ледника и ее знаком на шее, окровавленного, умирающего на ее полу.

Борьба за жизнь только начиналась. Вороны еще не прилетели. Но теперь ее тайна пахла кровью викинга. Что будет, когда он очнется? Что скажут духи трав, к которым она прислушивалась всю жизнь? И главное – что означал этот зловещий знак? Ответы висели в душном воздухе хижины, тяжелые, как предчувствие бури.

Ария медленно поднялась, стирая с лица песок и пот. Страх не ушел. Но его теперь перевешивала железная решимость. Она спасла его. Теперь ей предстояло спасти себя. И разгадать тайну, выброшенную морем к ее ногам вместе с этим полумертвым морским волком.

Дорогие читатели! Рада вас приветствовать в своей новинке!

И добро пожаловать в Литмоб!

СКАЗКИ СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ

<https://litnet.com/shrt/kJbl>

(Только для лиц, старше 18+ лет)

Глава 2.

Пахнувший дымом, землей и сушеным чабрецом воздух хижины показался Арии вдруг чужим, отяжелевшим от присутствия незваного гостя, от запаха крови. Викинг, огромный и безжизненный, лежал на земляном полу, как поверженный дуб. Каждое его прерывистое, хриплое дыхание отдавалось в ее ушах гулким эхом тревоги. Вороны... Мысль о них пронзила сознание, как ледяная игла. Пока тихо. Но тишина за стенами из дерна и дуба была зловещей, натянутой, как тетива лука перед выстрелом.

“Не здесь,” – прошептала она себе, голос сорвался. – “Не на полу.” Ее убежище, ее святилище знаний, должно было стать его логовом, его больничной палатой. Единственная кровать – узкая, грубо сколоченная из темного дерева, застеленная овчинами – стояла в углу, у очага, где тлели угли, отгоняя сырость. Дотащить его туда казалось задачей для великана.

Ария встала на колени рядом с ним, ее пальцы, обычно такие ловкие и уверенные при сборе кореньев или смешивании снадобий, дрожали. Она коснулась его плеча – горячего, словно раскаленный камень из очага. Он вздрогнул, издав стон, полный такой глубинной боли, что у нее сжалось сердце.

— Помоги мне... – пробормотала она, обращаясь к мужчине, духам трав, к силе земли, к чему угодно, лишь бы найти силы. — Ещё раз... Последний, обещаю...

Ария не знала, слышит ли ее незнакомец, слышат ли ее духи леса. Но тело врага вздрогнуло. Она вцепилась в его мощные плечи, уперлась ногами в твердую землю пола и с нечеловеческим усилием, сопровождаемым ее собственным стоном, поволокла его к кровати. Враг помогал как мог. Упирался сапогами, тянулся к ней руками. Казалось, прошла вечность, прежде чем его плечи оказались на краю деревянного настила. Она втащила его, потом, с последним рывком, приподняла торс и уронила на овчины. Он ахнул от боли, глаза под полуприкрытыми веками мелькнули синим огнем, но сознание не вернулось. Он лежал на ее кровати, занимая ее целиком, дыша жаром и смертью.

Дав себе лишь короткую передышку, девушка осмотрела тело. И поняла, что медлить нельзя. Она впилась пальцами в мокрую рубаху. Ткань была грубой, пропитанной соленой водой, глиной и кровью, прилипла к ране на боку. Снимать это было кошунством, вторжением. Но рана... Она зияла, как пасть темного зверя, края воспаленные, багровые. Без обработки – смерть.

Промыв руки, стиснув зубы, Ария принялась за работу. Она использовала маленький, острый как бритва нож для трав, чтобы разрезать ткань. Каждое движение требовало невероятных усилий – он был тяжел, неподатлив, даже в полубессознательном состоянии его мышцы напрягались инстинктивно. Постепенно обнажалась его грудь – широкая, мощная, покрытая старыми белыми шрамами, переплетающимися, как карта былых битв, и новыми, страшными ссадинами от камней. И главное – та рана. Глубокая, рваная, возможно, от крюка или острого обломка. Гной смешивался со свежей кровью. Запах стал резким, зловещим.

Ария чувствовала, как жар поднимается к ее щекам. Она была знахаркой, видела тела – мужские, женские, старые, молодые. Но это... Это было иное. Первозданная, дикая мужественность, высеченная борьбой и морем. Сила, которая пугала и притягивала одновременно. Ее пальцы коснулись его кожи, обжигаяще горячей, и она резко отдернула руку, словно обожглась. Смущение. Глупое, неуместное смущение сковало ее на миг. Он был враг. Он был ранен. Он был... носителем знака. Ничего более.

— Работа, Ария, – прошипела она себе. – Только работа.

Теперь надо было избавиться от остатков одежды. От пропитанных кровью и грязью штанов, от грубых сапог. Каждое прикосновение к его телу, к его горячей коже, было пыткой. Она старалась быть быстрой, безжалостно-точной, но ее руки предательски дрожали. Когда он

был полностью раздет, Ария отвернулась. Но через мгновение накинула полотенце на мужские бедра и приказала сама себе: “Не думай. Лечи”.

Она бросилась к своим запасам. Полки, плетеные корзины, глиняные горшки – все было заполнено дарами леса и луга. Но его рана требовала самого сильного, самого редкого. Она достала маленький керамический сосуд, запечатанный воском – “Слезы Луны”. Настойку на корне редчайшего северного корня, собранного в полнолуние. Горсть серебряных монет стоила бы меньше. Она сломала печать. Пахнуло резко, пьяняще, с нотками горечи и чего-то древнего, землистого. Не колеблясь, она пропитала настойкой чистую льняную тряпицу и прижала к ране.

Он взревел.

Не застонал – именно взревел, как раненый медведь. Его тело выгнулось дугой на кровати, могучие мышцы напряглись до предела. Синяя молния его глаз сверкнула в полумраке, дикая, невидящая, полная нечеловеческой боли и ярости. Он рванулся, его рука снова метнулась – не к ней, а в пустоту, сокрушая невидимых врагов. (Промокод к роману "Мрачное Агентство госпожи Агаты" - sGQ6l9s. Убедительная просьба! Воспользоваться только в случае, если ещё не читали книгу. За лайк буду благодарна;)

— Успокойся! Я помогу! – крикнула Ария, отпрыгивая, сердце колотилось где-то в горле.

Но он не слышал. Бред усилился. Он заговорил. Голос был хриплым, прерывистым, слова лились потоком – на ломаном наречии северян, смешанном с чем-то другим, возможно, его родным языком. Она разобрала лишь отдельные слова, но их было достаточно, чтобы она почувствовала сильный страх.

— ... Норвиг... проклятый берег... проклятый белый волк... — он выкрикивал угрозы, переходя с одного языка на другой :

— ... Должен был первым... тихо...

Его рука сжалась в кулак, ударив по краю кровати. Дерево треснуло.

— ...Сёркверк... посланник... Синезубого... смерть – мой дар...

Он закашлялся, его состояние ухудшалось от жара.

— Убить... всех... кто видел...

Убийца. Не просто воин. Палач. Его прислали уничтожить не просто врагов, а свидетелей. Кого? Их деревню?

Чувство ужаса, более сильное, чем страх за себя, сковало Арию. Он приплыл не грабить. Он приплыл убивать. Тихо, незаметно. И его корабль потерпел крушение. И он выжил. И она... она привела этого человека в свой дом. На свою кровать.

Слезы выступили на глазах. Ее пальцы потянулись к кожаному чехлу у пояса. Там лежал ее нож. Не для трав – настоящий, с узким, острым лезвием. Для кореньев, для защиты в лесу... и для сложных решений. Воткнуть. Воткнуть сейчас, пока он слаб, пока в бреду. В сердце. Или в горло. Защитить деревню. Защитить себя. Отомстить за отца, погибшего от таких же. Это выглядело правильным. Рациональным. Единственно верным.

Она вынула нож. Лезвие блеснуло в свете углей. Она наклонилась над кроватью. Он лежал, запрокинув голову, обнажив шею с пульсирующей жилой. И снова – знак. Темный, необъяснимый, связывающий их. Что он значил? Ее рука с ножом дрожала. Она подняла его. Нацелилась. Вдохнула...

Но не смогла.

Не из жалости. Не из страха. Из-за той тайны, что была между ними. Убить его – значит не узнать ответ. Убить его – значит стать такой же, как он? Убить его здесь, в ее хижине, где она лечила, а не отнимала жизнь?

Нож опустил. Она застонала от бессилия и злости на себя.

— Дура! Слабая!

И в этот момент он снова резко двинулся. Бред усиливался, превращаясь в кошмар. Он приподнялся, его горячая рука с силой схватила ее за руку. Ария вскрикнула, нож выпал из ослабевших пальцев, звякнув о пол. Он рванул ее к себе. Она упала на него, чувствуя под собой его горячую грудь и мышцы, слыша хриплые звуки в его горле. Его глаза были открыты, но не видели ее. Он видел врагов, волны и смерть.

— Нет! Отпусти! — закричала она, пытаясь вырваться.

Его руки крепко держали ее. Он что-то выкрикивал на своем языке – угрозы, призывы, имена. Она задыхалась от его жара и страха. Он перекатывался, пытаясь придавить ее, его дыхание обжигало ее лицо. Она чувствовала его безумие, его силу. И свое бессилие.

Вдруг, в отчаянии, не думая, повинаясь инстинкту, Ария сделала неожиданное. Она перестала вырываться. Она резко потянулась к нему. И прижалась губами к его губам.

Это не был поцелуй любви. Это был жест отчаяния, попытка остановить его, вернуть его к реальности, передать ему что-то из своего собственного, переполненного страхом сердца. Это был поцелуй знахарки, пытающейся успокоить безумца, поцелуй женщины, борющейся за свою жизнь.

И это подействовало.

Он замер. Его тело обмякло. Взгляд дрогнул, сменился недоумением и болью. Его хватка ослабла. Он посмотрел на нее, но взгляд был направлен сквозь нее. Губы шевельнулись. Он прошептал хрипло одно слово. Не имя божества. Не боевой клич.

— Фрея... — выдохнул он, и в этом имени прозвучала тоска и вина. Потом его глаза закрылись, голова упала. Он снова потерял сознание.

Ария отпрянула. Она скатилась с кровати на пол, дрожа, прижимая руку к губам. Сердце билось часто. В ушах звенело. Фрея. Кто это? Тоска в его голосе... Это не был голос палача.

Он лежал без движения, лишь дыхание указывало на жизнь. Рана на боку, теперь под повязкой, выглядела чуть лучше. Но ценное зелье было истрачено. Ее мир изменился от этого знания. Он – Убийца. Присланный уничтожить ее дом.

Она подняла с пола нож. Лезвие было холодным. Взгляд упал на его грудь, поднимающуюся в такт дыханию. На его лицо, теперь искаженное внутренней мукой. На темный знак на ключице.

Нож снова опустился. Она не могла. Не сейчас. Не после того, как он прошептал «Аст-рид» с такой болью. Не после того поцелуя.

Ария отползла к очагу, подбросила щепок. Огонь разгорелся, отбрасывая тени на стены, на травы, на лицо лежащего человека. Она обхватила колени руками, уткнувшись в них лбом. Слезы потекли по ее щекам. Она спасла его от моря. Спасла от воронов. Спасла от раны. А он... он был угрозой, пришедшей по волнам.

Что делать? Выдать его деревне? Его убьют. И узнают про ее хижину. Здесь было ее убежище, ее маленький мир. Убить самой? Она не могла. Бежать? Но куда? И оставить его здесь? Он умрет или, очнувшись, начнет выполнять свою задачу.

И главное – знак. И имя Фрея. Ответы были в нем. В его бреду. В его памяти.

Она подняла голову, смотря на его тело, на повязку на боку. Ночь за стенами хижины была темной. Вороны молчали. Но тишина теперь была иной. Она была наполнена дыханием спящего незнакомца, которого она впустила в свой дом. Врага с тайной и знаком ее прошлого на шее. И сомнения терзали ее, угрожая ее хрупкому миру.

Дорогие читатели!

Пока вы ждёте новой главы, позвольте пригласить вас в другую новинку литмоба “Сказки северных земель”:

ВНИМАНИЕ!!! ИНФОРМАЦИЯ ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ ДЛЯ ЛИЦ 18+

Хелен Гуда

“Чужая для вождя викингов”

– Ты не сгорела на костре только благодаря мне и теперь ты моя рабыня.

– Я не хочу быть рабыней.

– А кем хочешь стать?

– Женой!!!

<https://litnet.com/shrt/uapJ>

Глава 3

Треск дров в очаге был единственным звуком, нарушающим гнетущую тишину хижины. Каждый язычок пламени отбрасывал на стены из дубовых балок гигантские, пляшущие тени – то сжимающиеся в угрожающие когти, то растягивающиеся в призрачные силуэты. Ария сидела, прижавшись спиной к прохладной стене, подальше от жара очага и еще большего жара, исходившего от кровати. Колени были подтянуты к подбородку, руки обхватывали их так крепко, что ногти впивались в кожу через грубую ткань платья. Слезы высохли, оставив на щеках соленые дорожки и ощущение ледяной пустыни внутри. Страх не ушел. Он лишь переплавился в холодную, тяжелую глыбу, давившую на грудь.

Она спасла того, кто приплыл убить ее и всех жителей прибрежной деревушки. Она поцеловала врага. Она истратила драгоценные “Слезы Луны” на палача. И теперь сидела здесь, в своем убежище, которое пахло теперь не только травами и дымом, но и его кровью.

Ее взгляд скользнул к кровати. Он лежал неподвижно, лицо, обращенное к потолку, было бледным под слоем грязи и засохшей крови, но менее искаженным мукой. Дыхание оставалось хриплым, прерывистым, но уже не таким пугающе поверхностным. Повязка на боку, пропитанная настойкой, казалась суше. “Слезы Луны” работали, вытягивая яд заражения, сбивая жар. Но цена... О, цена была не только в серебре. Ценой была ее безопасность, ее душевный покой.

“Почему?” – пронеслось в голове. “Почему она не вонзила нож, когда была возможность? Из-за знака? Из-за мимолетной боли в его голосе, когда он прошептал чужое имя? Из-за того дикого, первобытного притяжения, которое она ощутила, когда его синие глаза, полные безумия и силы, смотрели сквозь нее?”

Она сжала кулаки. Была ли она просто глупой девчонкой, обольщенной красотой и силой врага? Или ее “ведьмин дар”, ее связь с землей и травами, подсказывал что-то большее? Что все случившееся – не случайность? Что в этом человеке скрыта не только смерть, но и надежда?

Внезапно он зашевелился. Не резко. Слабый стон вырвался из его пересохших губ. Голова беспомощно повернулась на бок. Ария замерла, сердце заколотилось с новой силой. Бред? Или пробуждение? Она не двигалась, лишь пристально наблюдала, готовая в любой миг схватить нож, валявшийся теперь на видном месте у очага.

Он открыл глаза.

Не синюю молнию безумия, а тусклый, мутный огонек сознания, пробивающийся сквозь пелену боли и слабости. Он медленно, с трудом повел головой, осматривая низкий потолок, пучки сушеных трав, тени от огня на стенах. Взгляд его, блуждающий и непонимающий, наконец остановился на ней. Синие глубины встретились с серо-зелеными штормовыми водами ее глаз. Ни ярости, ни злобы, лишь глубокая, животная растерянность и усталость.

— Far a bheil mi – прохрипел он, голос был тихим, разбитым, но звучал на его родном языке. — Где я...

Ария не ответила. Не двинулась. Она видела, как в его взгляде медленно проступает осознание – чужое место, чужое лицо. Его рука дрогнула, попыталась подняться к повязке на боку, но не хватило сил. Он снова застонал, на этот раз от беспомощности, и закрыл глаза, как бы отгораживаясь от незнакомого мира.

Не бред. Пробуждение. Истинное, хрупкое, уязвимое. Сердце Арии сжалось. Этот момент был опаснее бреда. Теперь он видел. Теперь он мог запомнить. Теперь он мог решить, что она враг.

Она медленно поднялась. Ноги были ватными. Подошла к столу, где стоял кувшин с чистой родниковой водой и глиняная чашка. Налила. Подошла к кровати, остановившись на расстоянии вытянутой руки. Он почувствовал ее приближение, снова открыл глаза. Теперь в

них читалась не только растерянность, но и тень настороженности, дикого зверя, загнанного в угол.

— Вода, – сказала она твердо, по-своему, на языке ее народа, не ожидая понимания, но вкладывая в слово смысл действия. Она протянула чашку.

Он смотрел на нее, потом на воду, потом снова на нее. Жажда, физическая, невыносимая жажда, боролась в нем с инстинктом недоверия. Его губы, потрескавшиеся и сухие, шевельнулись. Наконец, он кивнул, почти незаметно. Слабое движение головы.

Ария осторожно поднесла чашку к его губам. Он попытался приподняться, опираясь на локоть, но резкая боль в боку заставила его ахнуть и упасть обратно. Лицо исказила гримаса страдания.

— Не двигайся, – приказала она, уже более уверенно. Она села на край кровати, одну руку подвела под его затылок, приподняв голову, другой поднесла чашку. Ее пальцы коснулись его волос – жестких, спутанных, еще пахнувших морем. Кожа его шеи под ее ладонью была обжигающе горячей. Он пил. Сначала осторожно, потом жадно, захлебываясь. Вода стекала по подбородку, смешиваясь с грязью. Она поддерживала его голову, чувствуя под пальцами его мощь.

Когда чашка опустела, он откинулся на подушку из овчин, дыхание стало чуть ровнее. Он смотрел на нее. Растерянность не ушла, но настороженность смягчилась капелькой... чего? Признательности? Любопытства?

— Taing – прошептал он хрипло. — Спасибо...

Ария кивнула. Поставила чашку. Молчание повисло снова, но уже иное. Не враждебное, но натянутое, как струна. Она знала, что должна задать вопрос. Главный вопрос. Но слова застревали в горле. Как спросить о знаке? Как начать разговор с тем, кто приплыл убивать?

Он первым нарушил тишину. Голос его был слаб, но более связан.

— Dè an t-ainm a th ' ort? – спросил он. — Как тебя зовут?

Он спрашивал ее имя. Враг. Убийца. В ее доме.

— Ария, – ответила она просто, не отводя глаз. – А тебя?

Он помолчал, как бы собираясь с силами, с мыслями. Взгляд его на мгновение затуманился, возможно, проваливаясь в воспоминания о кораблекрушении, о боли, о задании, которое провалилось.

— Рейден – наконец произнес он. Имя звучало твердо, как удар топора по дереву.

— Рейден, – повторила она, ощущая странный привкус горечи от этого имени на языке.

Где-то в глубине памяти, в туманных уголках, затерянных среди запаха моря и дыма очага, это имя звучало. Не часто. Тихо. Шепотом. Посетители деревенского паба нет-нет, да и произносили его, глядя куда-то за горизонт, туда, откуда приходят бури и чужие корабли.

“Рейдан... Ястреб Севера. Правая рука конунга Харальда Синезубого, претендующего на их земли”.

Сердце Арии учащенно забилося. Но Рейдан, лежавший на ее ложе, снова впал в забытие; дыхание его стало прерывистым, а лоб пылал сухим, губительным жаром.

Рана напоминала о себе. «Слезы Луны» отступили перед ядом, что таился в разорванных тканях. Лихорадка нарастала, и Ария забыла, что перед ней враг. Видела она лишь человека, обреченного на смерть. Человека, которого она уже спасла от морской пучины и воронья, — и не могла позволить ему теперь уйти в Хель из-за гниющей раны.

— Нет, — сквозь зубы прошептала она. — Не сейчас.

Она поднялась, движения её стали точными и быстрыми. В ней проснулась знахарка, затмив испуганную женщину.

Чистая тряпица, миска с холодной родниковой водой. Она опустилась на колени у ложа. В воду был подлит отвар мяты и буквицы — для очищения и прохлады. Она принялась обтирать его горячее тело: сначала лицо, смывая пот, соль и кровь. Под слоем грязи проступили

резкие, будто высеченные черты — высокие скулы, прямой нос, темные от пота брови. Вымытые волосы оказались цвета спелой пшеницы. Она провела тканью по могучей шее, где пульсировала жила рядом с темным знаком, затем — по плечам, покрытым шрамами и ссадинами, по груди, тяжело вздымавшейся. От каждого прикосновения он вздрагивал и стонал. Раны на боку она избегала, лишь сменила повязку, пропитав её остатками настойки и отваром дубовой коры.

Она поила его, вливая по капле отвар тысячелистника и шалфея меж потрескавшихся губ. Он глотал бессознательно, порой давясь. Ария говорила с ним тихим, ровным голосом, каким утешала больных детей: «Тихо... Пей... Держись».

Но жар не отступал. Тело Рейдана раскалилось, будто камень из очага. В бреду он метался, выкрикивая обрывки чужих слов, иногда имя — «Астрид!» — с такой тоской, что у Арии сжималось сердце. Пот заливал ложе, холодные компрессы помогали ненадолго. Ария чувствовала, как её собственные силы иссякают, а страх за его жизнь — жизнь врага! — становился сильнее, чем когда-либо страх за себя.

И тогда, в отчаянии, когда уже ничто не помогало, она вспомнила древнее знание, о котором шептались старые знахарки у огня. Знание, граничившее с запретным. Жар тела можно отвести теплом другого тела. Так спасали младенцев, так возвращали к жизни умирающих в лютые зимы, когда травы бессильны.

Она замерла, глядя на его пылающее тело. На сильное, искаженное мукой лицо. На врага. Безумие. Отдать своё тепло, свою плоть врагу? Лечь рядом с ним... обнажённой?

Но дыхание его становилось всё хриплее, хрипее. В глазах, на миг приоткрывавшихся, уже не было страха — лишь пустота угасания. Он ускользал. Сквозь её пальцы, сквозь ненависть и сомнения.

«Нет!» — пронеслось в ней с прежней силой. Не этого. Не здесь. Не после всего.

Решение пришло внезапно, без раздумий. Пальцы дрожали, когда она расстегивала пряжку пояса, сбрасывала платье из грубой шерсти, затем нижнюю рубашу. Холодный воздух хижины обжёг кожу. Она стояла нагая, как в день рождения, дрожа не от стыда, а от ужаса перед тем, что предстояло, и от твёрдой решимости.

Осторожно приподняв меховое одеяло, она легла рядом с ним. Сначала лишь коснулась плечом его раскалённой руки — кожа была как в печи. Стиснув зубы, она медленно прижалась к нему: обнажённой грудью — к его груди, ногой — к его ноге, рукой обняла торс выше раны, чувствуя под пальцами жёсткие мышцы и шрамы.

Первое мгновение было подобно падению в огонь. Жар прожигал кожу, проникал внутрь, вырывая из груди стон. Она зажмурилась, прижимаясь сильнее.

"Забирай, — мысленно обратилась она к лихорадке. Забирай моё тепло, но оставь ему жизнь!"

Рейдан вздрогнул. Из его груди вырвался глубокий стон — не от боли, а от облегчения, будто к пылающей ране прикоснулись льдом. Он не открыл глаз, но тело, до того напряжённое, внезапно ослабло, потянувшись к источнику прохлады. Его тяжёлая рука бессознательно легла ей на талию, притягивая ближе.

Дорогие читатели!

Пока вы ждёте новой главы, позвольте пригласить вас в другую новинку литмоба "Сказки северных земель":

Ри Даль

“(Не)желанная Избранница Каменного Лорда”

Из бизнес-леди в бесправные рабыни...

Так началась моя история в новом мире, где властвуют жестокие ярлы и фанатичные жрецы. Теперь меня называют трёлль — низшее существо, не имеющее голоса и имени. Однако жизнь делает новый поворот: жрец предсказал новому ярлу Ингвару, что я стану матерью короля королей.

И всё же за слабым телом трёлль скрывается стальная воля женщины, которая знает себе цену и не пасует перед трудностями. Смогу ли я перехитрить врагов, разгадать тайны Ингвара и вырваться из рабства, чтобы снова изменить судьбу? Не только свою, но и всего народа...

ЧИТАТЬ ЗДЕСЬ <https://litnet.com/shrt/-sD8>

Глава 4

Ария замерла. Его прикосновение, даже в бреду, обожгло сильнее жара. Оно было властным, грубым, но и... удерживающим. Не дающим ей отстраниться. Она чувствовала каждую выпуклость его мускулов, каждый шрам на его спине под своей ладонью, биение его сердца – бешено быстрого, но уже не такого хаотичного – под своей грудью. Его дыхание, горячее и тяжелое, обжигало ее шею. Запах его – пота, крови, моря, мужской силы – смешался с запахом трав и ее собственного страха, создавая дурманящую, опасную смесь.

Она лежала неподвижно. Сначала боялась пошевелиться, чтобы не причинить ему боли. Потом поняла, что боится нарушить хрупкое равновесие, в котором ее прохлада боролась с его жаром. Она гладила его спину легкими, успокаивающими движениями, как гладила бы больного зверя, шепча бессвязные слова утешения – и ему, и себе. Минуты превратились в часы. Жар его тела, казалось, не убывал, а лишь перетекал в нее, заставляя ее потеть, кружилась голова. Усталость, нечеловеческое напряжение последних суток, жар и это немыслимое соприкосновение плоти начали брать свое. Веки становились свинцовыми. Борьба с лихорадкой превратилась в их общую, смутную агонию, где границы тел, вражды, страха стирались. Последнее, что она помнила перед тем, как провалиться в бездну истощения – это ритм его сердца под ее щекой, замедляющийся, успокаивающийся, и ощущение, что огонь внутри него... отступает.

Свет. Теплый, золотистый, пробивающийся сквозь щели ставней. И тепло. Не обжигающий жар лихорадки, а глубокое, живое тепло рядом. Ария проснулась постепенно, поймав себя на мысли о странном чувстве защищенности. Потом – тяжесть. Тяжелая, мускулистая рука лежала у нее на талии, прижимая ее спиной к чему-то твердому, горячему и... дышащему.

Память вернулась с ледяной ясностью. Лечение. Жар. Обнаженность. Ее безумное решение. Его бред. Его рука на ее талии...

Она лежала спиной к Рейдану. Его мощное тело было ее ложем, его рука – оковой, его дыхание – теплом на ее затылке. Она была обнажена. Он... он тоже был без одежды. Она чувствовала его. Мужское тело, больше не пылающее смертельным жаром, излучало ровное, сильное тепло спящего здорового зверя.

Ужас и смущение накатили волной, такой сильной, что Арию едва стошнило. Она подавила спазм, зажмурившись. Боги леса и холмов, что она наделала? Она лежала обнаженная в объятиях врага! Викинга! Палача, посланного убить людей! Тепло, которое она сейчас ощущала, было теплом его жизни, спасенной ею ценой... этого.

Ария осторожно попыталась приподнять его руку. Она была невероятно тяжелой. И... не такой уж бессознательной. Рука не убралась, а лишь слегка ослабила хватку.

Ария замерла, не дыша. Потом почувствовала его дыхание у себя на затылке. Оно было ровным, спокойным, но это было не дыхание спящего.

Его рука, лежавшая тяжелым якорем на ее талии, не убралась при ее осторожной попытке. Вместо этого... сдвинулась. Не грубо, а с неожиданной, исследующей медлительностью. Широкие, шершавые от оружия и канатов пальцы Рейдана скользнули по ее коже, опускаясь изгиб бедра. Ария замерла, лед стыда сменился новым, острым ужасом.

“Он не спит. Он чувствует. Он трогает.”

- Не... — начало срывать с ее губ, но слово застряло. Его ладонь легла ей на живот.

Большой палец начал медленный, почти невесомый полукруг чуть ниже пупка. Это было... не насилие. Не грубость. Это был “вопрос”, выжженный на ее коже. Страх обездвижил ее. Никто... никто никогда не прикасался к ней так. С такой... “знающей” медлительностью. Внутри что-то дрогнуло, сжалось горячим узлом низко в животе. Предательское тепло разлилось по жилам, заглушая голос разума, кричавший “Враг! Убийца!”.

Ее дыхание участилось, став неглубоким и прерывистым. Она почувствовала, как ее тело, вопреки воле, отвечает. Спина непроизвольно выгнулась чуть назад, прижимаясь к его твердому торсу. Мускулы живота дрогнули под его пальцами. Стыд вспыхнул яростнее – стыд не только за наготу, но и за эту дикую, неконтролируемую ответную волну.

Рейдан почувствовал это. Его дыхание у ее затылка стало глубже, горячее. Рука двинулась ниже. Пальцы скользнули вниз, коснувшись обнаженной кожи живота. Шершавая, обожженная солнцем и ветром поверхность его ладони контрастировала с ее гладкостью. Прикосновение стало увереннее, настойчивее. Он провел пальцем, скользнул чуть ниже. К самой границе. К чувствительному изгибу. Его палец нашел самое то место, заставляющее застыть и не двигаться. Ритмично, с легким давлением он принялся водить пальцем. Это было уже не исследование. Это было притяжание.

Именно эта настойчивость, этот переход от вопрошания к требованию, разогнал дурманящий туман.

Ария будто очнулась. Мысль ударила, как обухом.

“Он – Ястреб Севера! Его прикосновение – осквернение! Предательство самой себя”.

Дикий ужас смешался с яростью. Она рванулась вперед с силой, как загнанный зверек.

- Нет! — голос сорвался, хриплый и полный отвращения... к нему, к себе. Она отбросила его руку с силой.

Глаза, полные слез ярости и унижения, встретили его взгляд. В его синих глубинах уже не было изумления – лишь холодная, хищная решимость и... что-то похожее на удовлетворение, будто он получил нужный ответ. Ее кожа, где секунду назад горели его пальцы, теперь леденела от стыда и осознания: граница была нарушена. Будто он мог и имел право не только ее жизнь, но и ее тело.

Ария поняла, что поддалась искушению его жара и уснула.

А он не спал. Он наблюдал. Сколько? С того момента, как она проснулась? Или дольше?

Кровь ударила Арии в лицо, залила шею, грудь. Стыд, жгучий и всепоглощающий, смешался с диким страхом. Она почувствовала себя пойманной зверушкой, беспомощной и обнаженной перед хищником.

- Не смей так делать! – вырвалось у нее хриплым шепотом, полным паники.

Рейдан не сопротивлялся. Его рука спокойно лежала на овчине между ними. Но он не отвел взгляда. Его синие глаза, широко открытые, скользили по ее лицу, залитому краской стыда, по ее обнаженным плечам, мелькнувшей в движении груди, прежде чем она судорожно прижала к себе одеяло, пытаясь хоть как-то прикрыться. Его собственное лицо было бледным под заживающими ссадинами, но на скулах тоже выступил легкий румянец. Он не сказал ни слова. Просто смотрел. Смотрел так, словно видел ее впервые. Или видел что-то совершенно невообразимое.

Ария, дрожа всем телом, как осиновый лист, скатилась с кровати на земляной пол, утаскивая за собой меховое одеяло, чтобы хоть как-то укутаться. Она нащупала свое платье, валявшееся рядом, и судорожно натянула его на себя, не обращая внимания на складки и застежки. Ее пальцы тряслись так, что она не могла справиться с пряжкой пояса.

- Ты... Ты жив, – прошипела она, не глядя на него, лишь чтобы разорвать это невыносимое молчание, этот пылающий взгляд. – Жар спал.

Он не ответил. Она услышала, как он осторожно приподнялся на локте. Ощутила на себе тяжесть его взгляда. Он изучал ее. Каждый ее жест, каждый вздох, каждый нерв, дрожащий под кожей.

- Рí... – начал он наконец, голос был хриплым от долгого молчания и болезни, но не слабым. — Ты... — Он запнулся, словно искал слова на чужом языке или не мог подобрать их вовсе. Его рука непроизвольно поднялась, коснулась своей груди, где лежала ее голова, потом скользнула по меху одеяла, еще хранившему тепло и отпечаток ее тела. — ...sagði ég?. — ... я

говорил? – спросил он наконец, и в его голосе прозвучала настоящая тревога. Что он наговорил в бреду? Что выдал?

Ария подняла на него глаза. Стыд отступал перед вспышкой гнева, перед воспоминанием о его признании. Она стояла перед ним, спина прямая, хотя ноги все еще дрожали.

- Ты говорил, – сказала она четко, глядя прямо в его синие, все еще изумленные глаза. – Говорил, что ты Ястреб Севера. Что приплыл убивать. Тихо. Как тень. - Она видела, как его лицо меняется – изумление сменяется резкой настороженностью, потом тенью страха и... стыда? Он опустил взгляд. – Говорил, – продолжала она, не давая ему опомниться, – имя. Астрид. А я... – она сделала шаг вперед, ее собственный страх горел в гнев. — ... А я не убила тебя, пока ты был в беспамятстве. Но не из жалости. А из-за этого...

Ария ткнула пальцем в отметину под ключицей варвара.

Рейдан вздрогнул, как от удара плетью. Его рука инстинктивно прикрыла знак.

- Regj! – рявкнул он хрипло, отчаянно. - Молчи! – он попытался встать, но резкая боль в боку скрутила его, заставила согнуться со стоном. Он рухнул обратно на подушки, лицо исказила гримаса боли и бессильной ярости. Он смотрел на нее, на эту девушку, еще вчера ребенка, которая спасла его, которая лежала обнаженной с ним, которая теперь знала слишком много. В его глазах бушевала буря.

Он был слаб. Он был ранен. Он был в ее власти. И они оба это знали. Воздух в хижине снова стал напряженным, но теперь не жаром болезни, а жаром взаимной ненависти.

Ария стояла, сжимая в руках пояс своего платья, готовая к бегству или к бою, глядя в синие глаза врага, в которых отражалась ее собственная растерянность. Рассвет наступил, но от этого только хуже. Теперь не спишешь на внезапный порыв. Теперь принимать решения нужно глядя в глаза друг другу. И быть готовым к тому, что это решение не устроит их обоих.

Готовая к тому, что викинг сейчас нападет на нее, Ария попятилась. Но пространство хижины не позволило ей уйти слишком далеко. Но достаточно для того, чтобы подобраться к сумке. В которой лежал ее остро заточенный кинжал. У становилась зловещая тишина. Каждый выжидал... Ждал удобного момента. Или знака. Того, что нападение будет оправданным.

Внезапно тишину в хижине нарушил громкий, тревожный стук в дверь.

Дорогие читатели!

Пока вы ждёте новой главы, позвольте пригласить вас в другую новинку литмоба “Сказки северных земель”:

Елена Арматина

“Ледяные оковы. Или второй шанс попаданки”

Когда твоя тётушка - ведьма, жизнь точно не будет скучной. Особенно если эта тётушка называет себя «волшебной свахой» и считает, что у неё талант устраивать чужие судьбы. Утверждение, конечно, очень спорное.

Первый жених оказался мумией. Кажется, он слегка обиделся, когда я сбежала из его мира.

Но тётушка решила не сдаваться, и отправила меня в ледяной мир - к холодным, наделённым магией варварам.

<https://litnet.com/shrt/WUbw>

Глава 5

Ария подняла палец к губам, призывая к молчанию. Сердце ее колотилось так, что, казалось, стук слышен за дверью. Кто? Деревенские? Узнали? Вороны все же привели их?

- Ария? – донесся тонкий, испуганный голосок из-за двери. – Ты там? Это я, Финн!

Финн. Мальчонка лет десяти, сын рыбака Калама. Сорванец с вечно грязными коленками и доверчивыми глазами. Один из немногих в деревне, кто смотрел на Арию без страха, с открытым любопытством. И чья младшая сестренка месяц назад чуть не умерла от лихорадки, пока Ария не сбила жар своими снадобьями. Финн знал дорогу к запретной хижине. Но почему-то Ария была уверена в сероглазом мальчонке. Не убежище он не выдаст.

Облегчение, смешанное с новой волной тревоги, обрушилось на Арию. Не отряд озлобленных мужчин. Пока не они. Но Финн тоже свидетель. И он мог привести других.

- Финн? – отозвалась она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Она бросила быстрый, властный взгляд на Рейдена. «Не двигайся! Ни звука!»

В его глазах все еще бушевала буря – гнев, подозрение, боль. Но он кивнул, почти незаметно, и прижался глубже в тени, натянув меховое одеяло до подбородка, скрывая повязку и мощный торс. Его синие глаза, сверкающие в полумраке, не отрывались от двери.

Ария подошла к двери, приоткрыла ее ровно настолько, чтобы просунуть голову, загоразживая собой вход в хижину. На пороге стоял Финн, босой, в поношенной рубахе, дергая за край своей шапки. Его лицо было бледным от страха.

- Ария! – выдохнул он, увидев ее. – Меня мать послала... Малышка... опять горячая! Плачет, вся горит! Отец не хотел звать, но мать просит! А дедушка Гагнар говорит, это опять лихорадка! Пожалуйста! – в его глазах стояли слезы. – Мама боится... Пожалуйста, помоги!

Сердце Арии упало. Лихорадка. Та самая, жестокая, что уносила детей прошлой зимой. Та, на борьбу с которой уходили последние запасы редких горных трав, которых у нее почти не осталось после “Слез Луны”. И она нужна. Снова нужна. Прямо сейчас. Когда в ее хижине лежит смертельная угроза, которую она сама принесла.

Она оглянулась. Рейден смотрел на нее из глубины хижины. Его взгляд был нечитаемым – холодным, оценивающим. Он слышал. И все понял. Он понимал, что она не простая деревенская девчонка. Лекарка. И что она сейчас уйдет. Но вот что Ария прочла в его глазах, так это недоверие и... злость. Уйдет, чтобы вернуться с воинами?

- Иди, Финн, – сказала Ария, голос ее звучал спокойнее, чем она чувствовала. – Скажи маме, кипятить воду. Я соберу нужные травы и приду. Беги быстрее.

Лицо мальчика осветилось надеждой.

- Спасибо, Ария! – он развернулся и помчался прочь, по тропинке в лес.

Ария закрыла дверь, прислонилась к ней спиной, закрыв глаза на мгновение. Потом резко распрямилась.

Работа. Только работа.

Она бросилась к полкам, к плетеным корзинам. Руки, дрожавшие минуту назад, теперь двигались быстро и точно – знахарский навык брал верх. Она собрала пучок засушенного ивняка (от жара), коренья окопника (от воспаления), горсть сушеных ягод бузины (для пота). Все, что могло помочь. Последние крохи ее запасов.

Потом она подошла к кровати. Ястреб смотрел на нее. Ни страха, ни мольбы. Лишь холодное ожидание и та самая первобытная сила, проступавшая даже в немощи.

- Я иду туда, — сказала она четко, указывая рукой в сторону деревни. – Лечить ребенка. Ты остаешься здесь. – она подняла с пола свой нож, тот самый, с острым стальным лезвием. Не направляя на него, но держа так, чтобы он видел. – Если ты тронешь что-то здесь... Если попытаешься уйти... – она не договорила. Угроза висела в воздухе. – Твоя рана еще открыта.

Ты слаб. В лесу тебя найдут волки или люди. Или вороны. – она кивнула в сторону окна, затянутого бычьим пузырем. – Лежи. Пей воду. – Она поставила рядом с кроватью кувшин и чашку. – Я вернусь. И мы поговорим. О знаке.

При упоминании знака его глаза снова метнули искру гнева, но он лишь стиснул челюсти и кивнул. Коротко, как воин, принимающий приказ, который ему не по душе.

Ария подбросила дров в угасающий очаг, накинула плащ, сунула травы в сумку через плечо, крепче сжала рукоять ножа. Она бросила последний взгляд на хижину – на пляшущие тени, на пучки трав, на могучее тело на ее кровати и на его синие глаза, пристально следящие за каждым ее движением.

— Не делай глупостей, Рейден, Ястреб Севера, – прошептала она, больше себе, чем ему.

Она вышла, плотно закрыв за собой дверь. Лес встретил ее влажным, прохладным воздухом и далеким криком чайки. Тропинка, по которой умчался Финн, вилась вниз, к деревне. К больному ребенку. К людям, которых она, возможно, предала, укрывая врага.

Ария глубоко вдохнула, стиснула сумку с травами и зашагала быстро, почти бегом. А где-то высоко в небе, затянутом серыми облаками, пролетел черный ворон, издав одинокий, зловещий крик.

По меркам севера их деревня была большой и здесь нашли приют около трехсот человек. Название “Сёркхейм” оставили намерено, чтобы напомидало жителям о лютой ненависти к норманам. Жили и трудились в Сёркхейме ремесленники, купцы и прочий простой рабочий люд. Кто побогаче, тот перебирался в город, Нордвик. Но Ария туда соваться побаивалась. Там и своих знахарей полно. А ее, самоучку, так и вообще погонят метлой за ворота, как бродячую кошку.

А здесь, на краю острова, ее умение врачевать было востребовано. Хотя и не ценилось местными. Но то до поры до времени. Пока на ржавый гвоздь не напорешься, или пока твой ребенок не зашибется. Тогда с существованием белой ведьмы смирились.

Тропу к ее дому знали немногие. Финн да еще одна девушка, почти Арии ровесница. Ута была девушкой веселой, бойкой. Парни на нее засматривались. Понесла Ута от одного кавалера. Пришла к порогу белой ведьмы просить о запретном. Ария наотрез отказалась. Ута тогда просидела три дня и три ночи на холодной ноябрьской земле. Ария сжалась. Пустила в дом. Но поставила условие Уте. Та вынашивает ребенка, рождает. А уж потом Ария избавит Уту от бремени.

Ута согласилась скрепя сердцем. Спорить с ведьмой, проявившей такую решимость, не осмелилась. Скрывала живот до последнего. Благо зима выдалась долгая. меховую одежду до самой поздней весны не снимали. А как время пришло, Ария увела девушку из деревни. Вернулась Ута хоть и изнеможенная да бледная, но все ж повеселевшая. О новорожденной девочке с белесыми волосами и ярко-голубыми глазами, новоиспеченная мать не спрашивала. О том, где ее могилка тоже...

Сёркхейм показался в туманной дымке. Конец сентября. Скоро придут холода. Над полями тянулась дымка. Урожай был собран и люди готовились к празднику. Последняя жатва. В этот день приносили жертву всесильным богам, прося о милосердии и благодаря за урожай. Вот уже и костры ставят, на которых будут сжигать солому, надеясь, что вместе с дымом к богам дойдут и людские просьбы. Но не все в поселении придерживались традиций предков. Новая религия появилась из-за моря. И Бог в ней был един. Ария не спешила отказываться от старых богов. Но и к новому Богу относилась хорошо. Нравились ей слова старого священника, что собирал возле своего дома тех немногих, что готовы были его слушать.

Ария торопилась. Вот уже и частокол, ограждающий поселение показался. Каждый шаг отдавался тревогой в душе. Мысли металась между пылающим взглядом Рейдена в хижине и образом больной девочки. Она почти бежала, плащ развевался за ней, сумка с травами тяжело била по бедру. Запах дыма и моря стал гуще – деревня просыпалась.

Дом рыбака Калама стоял на отшибе, ближе к берегу. Уже у ворот Арию встретила бледная, заплаканная Мойра, мать девочки. Она схватила знахарку за руку, втащила внутрь, не дав перевести дух.

- Ария! Спасибо, что пришла! Посмотри на нее! — голос Мойры дрожал.

В крохотной комнатке, пропахшей рыбой и потом, на грубом ложе из досок и мешков лежала Лиам. Девочке было чуть больше двух лет. Ее маленькое личико пылало неестественным румянцем, губки были сухими, потрескавшимися. Дыхание – поверхностным, частым. Но больше всего Арию поразили глаза. Когда девочка на миг открыла их, сквозь мутную пелену лихорадки проступил невероятно яркий, чистый голубой цвет, словно осколок летнего неба или льда.

Ария замерла, на миг забыв обо всем. В этом взгляде была хрупкая, неземная красота, напоминавшая ей... ту новорожденную девочку Уты. Сердце сжалось от щемящей нежности.

- Дитя Фейри, не иначе! — бурчал у очага Калам, отец Лиам. Он повесил котел с водой над очагом греться, его лицо было мрачным, как грозовое небо. — Никакого толку от нее, одни хлопоты да хворобы!

- Калам, замолчи! — резко обернулась к нему Мойра, глаза ее горели материнской яростью. Она присела к ложу, осторожно погладила влажный лоб дочери. — Она моя! Моя!!! И она выживет! — в ее голосе звучала мольба, обращенная к Арии.

Ария отогнала странные мысли. Работа. Она опустила на колени у ложа, положила ладонь на лоб Лиам. Жар был сильным, сухим. Пульс под тонкой кожей виска бился мелкой, бешеной дрожью.

- Воды чистой, Мойра. И чистую тряпицу, — распорядилась Ария тихо, но твердо. Она открыла сумку, достала пучок ивовой коры, коренья окопника. Последние ягоды бузины. Сердце сжалось от тревоги за девочку – запасы таяли на глазах.

Она приготовила отвар – крепкий, горький. Мойра, дрожащими руками, приподняла Лиам, пока Ария по каплям вливала снадобье меж сухих губ. Девочка стонала, отворачивалась, но глотала. Потом Ария обтерла ее тело прохладной водой с мятой – стараясь сбить жар. Калам мрачно наблюдал, его недоверие висело в воздухе тяжелее дыма.

Прошло несколько часов. Хотя казалось оно тянется бесконечно долго. Сначала казалось, что Лиам успокоилась. Дыхание стало глубже, румянец чуть спал. Мойра вздохнула с облегчением, улыбнулась Арии благодарно. Но Ария, приложив ухо к груди девочки, почувствовала неладное. Дыхание стало жестким, с хрипотцой глубоко внутри. А потом Лиам вдруг закашлялась сухим, лающим, мучительным кашлем. Ее маленькое тело выгнулось, лицо посинело. Жар вспыхнул с новой, чудовищной силой.

- Нет! — вскрикнула Мойра, бросаясь к дочери. — Что с ней?! Ария! Сделай что-нибудь! Калам выругался сквозь зубы:

- Видал я твои снадобья! Отраву принесла! Колдовство свое!

Ария игнорировала его. Паника сжимала горло, но руки действовали. Это был перелом. Либо снадобье победит, либо... Она вспомнила о Рейдене, о его раскаленном теле, о своем безумном решении. Здесь было иное. Здесь не было времени на сомнения. Она достала последние крохи драгоценной коры хинного дерева, купленной когда-то у заезжего купца за целую связку вяленой рыбы. Растолкла ее в порошок, смешала с крохотной каплей меда и водой. Капля за каплей, с бесконечным терпением, она вливала эту смесь в рот Лиам, массируя горлышко, чтобы ребенок не подавился. Потом снова холодные примочки. Простукивание спины, чтобы облегчить кашель. Шепот молитв. Ария верила. Просила. Умоляла.

Она боролась. Казалось, прошла вечность. Ее спина ныла, глаза слипались, одежда прилипла к телу. Калам замолк, уставившись в огонь с безысходной злобой. Мойра молилась, сжимая в руках деревянный крестик.

И вдруг...

Дорогие читатели!

Пока вы ждёте новой главы, позвольте пригласить вас в другую новинку литмоба “Сказки северных земель”:

Виктория Богачева

“Королева северных земель”

Они встретились как враги.

Викинг, берущий всё силой, и рыжая воительница, не склоняющаяся даже в цепях.

Он не привык отступать. Она клянётся, что никогда не сдастся.

Но ненависть и страсть идут рука об руку, и одна искра способна разжечь пламя, что не угаснет даже в снегах.

Их противостояние решит судьбу Севера.

<https://litnet.com/shrt/kR6G>

el-b555428

Глава 6.

Кашель стал влажным! Лиам отхаркнула сгусток мутной слизи. Дыхание... выровнялось. Глубокий, чистый вдох. Потом еще один. Румянец на щеках сменился здоровым розовым оттенком. Жар спадал на глазах, уходя как вода сквозь песок. Лиам открыла глаза. Те самые ярко-голубые, теперь ясные, усталые, но живые. Она слабо потянулась к матери.

- Мама... пить...

Мойра разрыдалась, прижимая дочь к груди, осыпая ее лицо поцелуями.

— Моя девочка! Мое солнышко!

Ария отползла к стене, прислонилась спиной к прохладным бревнам. Силы покинули ее. Руки дрожали. Она спасла ребенка. Но цена... Ценой была ее последний резерв, ее лечебная магия, ее спокойствие. А лихорадка в деревне только начиналась.

Калам подошел, не глядя на Арию. Его взгляд был прикован к жене и дочери. Он тяжело опустился на табурет.

- Спасибо, — пробурчал он, не в силах произнести это громче. Стыд и облегчение боролись в нем.

Мойра осторожно уложила заснувшую Лиам и подошла к Арии. Ее глаза сияли благодарностью, но в них таилась и тревога.

- Ария... — она опустилась рядом и заговорила горячим шепотом, чтобы не разбудить дочь и не слышал муж. — Спасибо тебе. Жизнь мою ты спасала и не раз. Тогда, когда мой ребенок умер, а ты вдруг с девочкой на руках появилась. Во мне тогда все мертвое проснулось, желание любить ее больше самой жизни. И сейчас спасла нас. Потому говорю тебе. Будь осторожна. Слышала я разговоры... у колодца и на причале. Лихорадка... она не только у нас. У Гэрри сын слег, у старухи Моргван внучка... Люди шепчутся. Говорят... — Мойра понизила голос до едва слышного, — говорят, это кара. За то, что мы терпим... несправедное среди нас. За ведьму, что в лесу живет. За твою магию непонятную. — она сжала руку Арии. — Они ищут виноватого, Ария. Но... тропу к твоему дому немногие знают. Однако, берегись.

Холодный камень лег на грудь Арии. Предчувствие не обмануло. Она кивнула, не в силах говорить. Усталость навалилась тяжелым свинцом, смешанным с горечью. Она спасла ребенка, а деревня уже точила нож для нее.

Поднявшись с трудом, Ария собрала свои немногочисленные инструменты. Калам молча сунул ей в руки несколько монет. Даже больше чем Ария могла ожидать от сурового и хмурого рыбака. Она приняла плату. Ведь ей нужны были припасы. Сил идти обратно в лес без еды не было.

Лавка Громана, торговавшего всем подряд, от соли до грубого сукна, была не единственной в Сёркхейме, но самой большой и недорогой. Возле нее всегда толклись мужики, но сегодня народу было мало. Те, кто стоял, перешептывались, лица их были озабоченные, испуганные. Арию встретили тяжелыми, подозрительными взглядами. Она прошла мимо, стараясь не встречаться с глазами с жителями.

За прилавком стояла Ута. Она повзрослела, округлилась, но в глазах осталась прежняя бойкость, смешанная теперь с усталой мудростью. Увидев Арию, она на мгновение насторожилась, но быстро спрятала это за деловой улыбкой.

- Ария! Долго же тебя не было. Слышала, у Каламов беда? — спросила она, разглядывая бледное, утомленное лицо знахарки.

- Да у Лиам... лихорадка. Сейчас спит, — коротко ответила Ария, избегая подробностей. Она стала складывать на прилавок необходимое: мешок овсяной муки, соль, кусок сала, коренья, которые не могла собрать сейчас сама, свечу. — Утра, дай мне веревку. А ещё иголки и нитки.

Ута быстро отсчитывала товар, но ее глаза, острые, как у сороки, скользили по покупкам, потом вновь к лицу Арии.

- Много берешь, — заметила она небрежно, заворачивая сало в грубую бумагу. — Обычно тебе одной хватало на неделю и меньше. И веревка... для ловушек, что ли? Иголки — одежду чинить? — в ее голосе звучало не праздное любопытство, а настороженность.

Ария почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Ута была умна и наблюдательна. Слишком наблюдательна.

- Запасы кончаются. Скоро холодать будет. — ответила она как можно ровнее, отсчитывая монеты. — А веревка... да, для силков. Иголки — платье порвалось в лесу.

Ута медленно взяла деньги, не отводя взгляда. Ее пальцы задержались на монетах.

- Платье... — она протянула слово. — А я слыхала, море сегодня что-то выплонуло. На отмели возле Черного Зуба. Обломки лодки, говорят. Не рыбацкой. Чужая. Крепкая, из доброго дуба. — она пристально смотрела на Арию. — Странно. Говаривают, следы крови нашли на обломках. Но более ничего...

Сердце Арии упало. Слухи распространялись быстрее чумы. Обломки нашли, хоть их и отнесло от ее тропы. И люди уже видели следы.

- Море штука странная, — отозвалась Ария, стараясь, чтобы голос не дрожал. Она схватила свою поклажу. — Кто его разберет. Спасибо, Ута.

Она резко развернулась и вышла из лавки, чувствуя на спине колющий взгляд подруги. Шепот за ее спиной усилился. Слова “лихорадка”, “мор”, “ведьма” долетали обрывками.

Ария зашагала прочь от лавки. Тяжесть сумки с припасами казалась ничтожной по сравнению с тяжестью на душе. Она спасла Лиам. Но лихорадка свирепствовала, и вину сваливали на нее. Ута заподозрила неладное. Обломки лодки Рейдена нашли. А в ее хижине, один, без присмотра, лежал пробудившийся, сильный викинг. Ястреб Севера. Человек со знаком, как у нее. Убийца, посланный Синезубым. Что он делал сейчас? Умер от раны? Ждал ее? Или... ушел? И Ария не могла признаться даже самой себе в том, какой ответ она хотела бы получить.-

Дорогие читатели!

Пока вы ждёте новой главы, позвольте пригласить вас в другую новинку литмоба “Сказки северных земель”:

Лина Деева

“Не место для любви”

Кому под силу остановить подступающий апокалипсис? Только незрячей пророчице и попаданцу из нашего мира!

<https://litnet.com/shrt/n9p2>

глава 7

Стараясь не попадаться лишний раз на глаза местным, Ария завернула за угол лавки и юркнула в просвет между домами. Улица за улицей, Ария пробиралась к своему дому. Сложенный из камня, с покосившейся крышей, этот дом стал для них с отцом пристанищем. Отец не любил рассказывать дочери о том, где они жили раньше. До того, как переселились в этот маленький городок на самом краю Шотландского побережья. Но сильный и храбрый воин, коим был Торвальд Хмурый, местному ярлу, был нужен. А о том, что дочь славного воина с детства странная, закрывали глаза. Но вот отца не стало. И не стало того, кто бы одним своим грозным видом отводил бы от Арии недоброжелателей.

Дорога к дому показалась Арии особенно длинной. Не столько от усталости, сколько от тяжести на душе. Ноги сами несли ее к низкому, приземистому дому, стоявшему в отдалении от остальных построек деревни. Это было ее пристанище, единственное, что осталось от прежней жизни.

Она толкнула массивную дверь, и в нос ударил знакомый запах — холодного пепла, сушеных трав и старого дерева. Воздух был неподвижным и сырым. Дом молчал. Это была не просто тишина, а густое, осязаемое отсутствие. Отсутствие скрипа половиц под тяжелыми шагами отца, стука точильного камня о сталь, его низкого голоса, наполнявшего когда-то это пространство.

Ария медленно прошла по комнате. Ее пальцы сами собой легли на глубокую зарубку на косяке — отметку, которую отец сделал, чтобы мерить, как она растет. Потом взгляд упал на порог. Она почти видела его там — сильного, молчаливого мужчину, с внимательными глазами, всегда будто видящими что-то вдаль. Он был пришлым, чужаком, нашедшим здесь приют, но так и не ставшим своим. О его прошлом, как и о матери, умершей при родах, он не рассказывал. Эта часть ее жизни всегда была окутана туманом.

Теперь же деревня относилась к ее дому с суеверным страхом. Шептались, что здесь живет Белая ведьма. О потаенной хижине в лесной чаще знали немногие, догадываясь смутно. Частые исчезновения Арии списывали на странности знахарки, собирающей свои опасные травы вдаль от чужих глаз. Приносить же эти дары леса в селение было небезопасно; сегодняшняя благодарность за исцеление к утру легко могла обернуться обвинением в порче.

Сбросив потрепанную дорожную сумку, Ария принялась растапливать очаг. Простые привычные движения успокаивали: щепки, сухой мох, аккуратные угли. Пламя разгоралось нехотя, отбрасывая на стены нервные тени. Свет постепенно наполнял комнату, выхватывая из полумрака скудную утварь, сундук, грубый стол. Она подошла к нему, ощутив под пальцами шершавую, испещренную зарубками поверхность. Здесь он точил свой меч. Долгими вечерами ритмичный скрежет стали был единственным звуком, нарушающим тишину.

Мысль о мече заставила сжаться ее сердце. Она потянулась к сумке, чтобы собрать обещанную Гогнару мазь от нарыва, и с досадой вспомнила — горшок остался в лесной хижине. Рядом с тем, кого она там прятала.

Ей нужно было переодеться. Ей нестерпимо хотелось избавиться от запаха болезни, дыма и страха. Чистая одежда, хоть на время, могла вернуть ощущение себя. Она распахнула крышку сундука. Поверх всего, бережно свернутая, лежала отцовская рубаша из плотного полотна и штаны из прочной ткани. Без лишних раздумий, повинаясь смутному импульсу, Ария взяла их. Гиганту в лесу они впору будут, и это лучше, чем окровавленные лохмотья.

Сверток в руках казался непомерно тяжелым. Нести врагу одежду самого дорогого человека? Это чувствовалось как предательство. Она застыла со свитком в руках, разрываясь между долгом и страхом, когда ее взгляд упал на соседний дом, виднеющийся в мутное оконце.

Подумав, что очаг уже достаточно прогрел дом и теперь тот может простоять без нее ещё какое-то время, Ария затушила огонь. Огляделась, собрала купленные припасы, отцовскую одежду и быстро вышла из дома. В пару шагов она оказалась у соседского забора.

На завалинке у своего жилища сидел старик Гогнар. Он не двигался, напоминая высеченную из старого дерева статую. Его спина была сторблена годами и тяжким трудом, руки с набухшими венами лежали на коленях. Лицо, изборожденное морщинами, как высохшее русло реки, было обращено в сторону моря. Из-под нависших седых бровей смотрел единственный глаз, острый и внимательный. Этот взгляд, казалось, видел не просто девушку на пороге его дома, а всю ее историю, все тревоги и сомнения.

Ария, поймав его взгляд, невольно сжала в руках сверток с мужской одеждой. Этот жест не ускользнул от старика. Его глаз сузился, становясь похожим на щелочку. Он не произнес ни слова, но в его молчаливой позе, в этом пристальном, знающем взгляде читалось тихое подозрение. Он видел, что она принесла из леса не только травы.

— Здравствуйте. Сегодня хорошая погода, правда? В такую безветренную погоду ваша рана беспокоит вас меньше? — Ария толкнула скрипучую калитку и вошла во двор. Старик следил за ней пристально, но не враждебно. Скорее с любопытством. Не часто у нему гости хаживали. — Мазь я принесу к вечеру, — голос Арии прозвучал чуть хрипло, извиняющееся, и она вынуждена была его прочистить. — Собирала коренья. Пришлось уйти далеко. А сегодня торопилась и забыла про склянку. Но вы не переживайте, я обязательно принесу! К вечеру дождь соберется. А у вас рана на мокрую погоду сильно реагирует.

Гогнар медленно кивнул. Его взгляд скользнул по свертку в ее руках, задержался на нем на мгновение дольше необходимого, а затем вернулся к ее лицу. В его молчании было больше вопросов, чем в самых горьких упреках.

— Ладно, подожду. А ты... Иди уже. — наконец произнес он, и его голос напоминал скрип старого дерева. — Лихорадка не ждет. А старики и дети для нее первая добыча.

Он отвёл взгляд, уставившись куда-то в даль, давая ей понять, что разговор окончен. Но ощущение, что он что-то понял, не отпускало Арию.

Слова Гогнара повисли в холодном воздухе, тяжелые, как камни. Ария замерла на пороге, сверток с отцовской одеждой прижат к груди.

— Лихорадка... — начала она, не зная, что сказать.

— Не одна она пришла, — старик не дал ей договорить. Его единственный глаз уставился куда-то в пространство за ее спиной, будто видел не двор, а далекие фьорды и дым чужих костров. — Сперва корабли чужие у скал черных появляться стали. Не для торговли. Потом рыба в сетях дохлая поперла. А теперь и люди... Словно тень легла на землю. Не к добру это. Не к добру.

Он помолчал, его пальцы медленно поскребли засохшую грязь на коленях.

— Мой дед, бывало, сказывал... — голос Гогнара стал глуше, превратился в шепот, который слышен был яснее любого крика. — Когда старые боги отворачиваются, земля и море болезни на людей насылают. Чтоб очистить место для новых хозяев. Или для новых жертв.

Ария почувствовала, как по спине пробежал холодок. Его слова странным эхом отзывались в том, что она видела в деревне, в страхе в глазах Уты.

— Что же делать? — спросила она, и сама удивилась этому вопросу, обращенному к угрюмому отшельнику.

Гогнар наконец перевел на нее свой взор. Казалось, этот единственный глаз видел ее насквозь — и страх, и спрятанного в лесу викинга, и тяжелый сверток в ее руках.

— Выбор предстоит каждому, девка, — проскрипел он. — Не ошибись в своем. Тропа сейчас раздвоилась перед тобой. Одна — чужая. Другая — своя, но страшная. — Он сделал паузу, вдавливая в нее молчанием каждое слово. — А уж выбрав... не оглядывайся. Сомнение губит вернее вражеского меча. Сомневающийся воин мертв еще до удара.

Он снова замолчал, и разговор был явно окончен. Ария, все еще под грузом его слов, молча достала из сумки небольшой мешочек с мукой и, отсыпав в стоявшую на земле деревянную миску, положила рядом аккуратный кусок сала. Гогнар смотрел мимо нее, будто не видя ее действий, его лицо было каменным и бесстрастным.

Не сказав больше ни слова, Ария развернулась и вышла за калитку, плотно притворив за собой щеколду. Она так и не увидела, что случилось следом. Как только ее фигура скрылась за поворотом, угрюмая маска сползла с лица старика. Его плечи, всего мгновение назад сгорбленные под тяжестью лет, распрямились. А в глубине единственного глаза вспыхнул острый, живой огонек. Гогнар повернул голову к оставленным дарам, и его губы медленно растянулись в беззвучной, но откровенно радостной ухмылке, обнажив редкие желтые зубы. В этой улыбке было нечто древнее и знающее, что-то, не принадлежавшее простому угрюмому старику. Он потянулся к миске, и его движение было вдруг удивительно ловким и точным.

Дорогие читатели!

Пока вы ждёте новой главы, позвольте пригласить вас в другую новинку литмоба “Сказки северных земель”:

Мия Нуар

“Северянка. Наследница холодных земель”

— Докажи, что ты достойна гордого звания северянки, — произнес мой дед, когда я попросила у него крова.

Меня ждут снег, стужа и новые обычаи. А ещё... нечаянная любовь.

<https://litnet.com/shrt/2BwX>

-b557411

Глава 8.

Последние дома деревни почти остались позади. Их деревушка, отрезанная частоколом из вековых елей и грудями замшелых валунов, похожих на спящих каменных великанов, стояла на самом краю острова. Ария, шла быстро, не оборачиваясь, знала, что на нее смотрят. Спиной чувствовала эти колючие, косые взгляды, будто пригвождающие к земле. Воздух был густым от молчаливого осуждения и страха. Она прижала к груди сверток с припасами и ускорила шаг, отыскивая глазами едва заметную развилку у подножия старого вяза.

- Эй, Ария! Поймай!

Голос был молодым, настойчивым, с характерным местным выговором. Она обернулась, нехотя. К ней быстро подошел Кирк, сын кузнеца. Его рыжие волосы взъерошились на ветру, а лицо было бледным от волнения.

- Ария, куда ты? Вечером праздник, ты же помнишь? Ты ведь придешь? — он схватил ее за локоть, его пальцы обжигали кожу через тонкую ткань платья. Парень глянул на увесистый сверток в руках девушки и нахмурился. — У тебя что-то случилось? Я слышал разговоры у лавки. Но ты, прошу, не обращай на этих придурков внимания. Они все невежественные и темные. Но если что и, если я могу помочь тебе в чем-то... только дай знать! Осень ведь. Может тебе дрова нужны? Или рыбу тебе закоптить? Нет? Ну тогда давай я провожу тебя. Говорят, ночью обломки от лодки на берег выбросило. Не спокойно сейчас.

В его глазах плескалась тревога и невысказанная надежда, но Арии его внимание было в тягость. Она и так старалась поменьше общаться с местными. А навязчивое внимание Кирка только делало хуже. Да и мысли ее сейчас были там, в лесной глуши, где на жестком ложе, возможно, уже угасал последний вздох свирепого голубоглазого варвара.

- Спасибо, Кирк, но мне не нужна помощь. И не нужно меня провожать. - Она попыталась высвободить руку, но он не отпустил.

- Но, Ария, послушай...

- Кирк! — внезапно раздался крик, резкий и раскатистый, как удар кнута. На пороге самого большого дома, рядом с домом главы поселения, стояла Моргван, мать Кирка. Женщина, широкая в кости, с лицом, на котором суровая жизнь высекала неизменную складку неодобрения. - К кому ты пристал? Оставь лекарку! Иди сюда, сию же минуту! Тут требуется твоя помощь, чтобы столы таскать да к празднику готовиться. А ты языком чешешь!

Кирк вздрогнул, будто его окатили ледяной водой. Его пальцы разжались, а по щекам разлился густой румянец смущения. Он бросил на Арию растерянный взгляд, нечто среднее между извинением и отчаянием, и, потупив голову, побрел к матери. Ария на миг застыла, глядя, как грозная Моргван жестом, не терпящим возражений, затолкала сына в дом. Эта сцена, унижительная для Кирка, невольно спасла ее от дальнейших расспросов и упреков.

Ария развернулась и почти побежала прочь от деревни. У самой кромки темной воды, девушка отдышалась, обернулась, чтобы удостовериться, что за ней никто не идет и пошагала дальше. День уже клонился к вечеру. Скоро наступят сумерки и разглядеть тропку будет не просто. Но это для того, кто ни разу по ней не хаживал. Ария же нашла бы ее даже с закрытыми глазами. Девушка шла уверенно, огибая валуны и ныряя в узкую расщелину между скалами, где начиналась та самая тайная тропка, известная лишь ей да лесным зверям. Сердце колотилось где-то в горле, и не только от быстрой ходьбы. Она видела, как у дома главы поселения суеились люди, выносили резные скамьи, застилали столы чистыми полотнами.

Готовились к празднику. К встрече важных гостей. Тех самых, которые приезжали ежегодно, подгадывая под праздник урожая.

Их появление всегда предвещало либо новые непосильные подати, либо призывая мужчин, насильно делая их воинами. Для их деревни чужаки всегда были к беде. Вот и в этот раз

они явно едут не с миром. Над деревней сгушалась беда, а она таила в своем доме саму суть этой беды — Ястреба Севера.

Мысли путались, ноги подкашивались, но она шла, подгоняемая страхом, что опоздает. Что Рейден, оставшийся один, слабый, без воды и еды, уже мертв. Эта мысль жгла изнутри постыдным, но неумолимым жаром.

Выскочив на полянку, она с силой распахнула дверь хижины, готовая увидеть самое страшное.

Но самое страшное оказалось живым, бодрствующим и крайне опасным. Рейден сидел на краю кровати, опершись локтями о колени. Его поза была неестественно напряженной, вымученной, но в глазах горел холодный, собранный огонь. Взгляд его, острый как скальпель, пронзил ее насквозь.

- Одна? Так это ты так топала, будто целый отряд идет? Я уж думал, что ты привела за собой весь свой маленький городишко, — его голос был хриплым, но в нем не дрогнул ни один звук.

Именно тогда Ария заметила неестественную складку на его одеяле и торчащую из-под него рукоять короткого ножа. Он не просто сидел, он караулил. И был готов к бою.

- Ты... ты как встал? — выдохнула она, заходя внутрь и закрывая за собой дверь. Ее поразило не только оружие, но и сама его способность двигаться. Вчера он был на грани от того, чтобы отправиться к праотцам.

Он не ответил, лишь наблюдал, как она, стараясь не выдать волнения, откладывает сверток и подходит к нему.

- Дай я посмотрю рану.

Рейден молча откинул одеяло. Он был без одежды, лишь окровавленные повязки охватывали его торс и бедро. Ария замерла, чувствуя, как по щекам разливается горячая краска. Она видела мужские тела и раньше, но то были старики, дети, больные... Это было иное. Тело Рейдена, даже изможденное болезнью, было телом воина — с мышцами, шрамами старых битв и силой, что угадывалась в каждой линии. Ее пальцы дрогнули, когда она принялась разматывать повязку, и с отчаянным старанием уставилась на рану, лишь бы не встречаться с ним глазами.

Промыв и смазав повреждения свежей мазью, она отошла к своему свертку, давая сердцу уняться.

- Я принесла тебе одежду, — сказала она, протягивая ему сложенную рубаху и простые штаны из грубой шерсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.